

Новые Известия - 2002 - окт. - с. 7.

Подарки в октябре

Мария БАБАЛОВА, «Новые Известия»

Трехдневный фестиваль «Жизнь артиста» был посвящен 45-летию творческой деятельности **Владимира Федосеева**. Без всякой суеты и шумихи знаменитый дирижер вместе со своим оркестром — Большим симфоническим имени Чайковского, ныне бесспорно лучшим в Москве, собрал друзей на огонек в Большом и Малом залах консерватории.

Первый вечер всех услаждала венская оперетта. Под аккорды Иоганна Штрауса, Легара и Кальмана скромно, едва слышно солировали австрийцы **Ольга Шалаева** и **Пауль Армин Эдельманн**. Второй «Вечер при свечах» был камерным. Сначала сошлись Моцарт и Сальери, а потом Глюк и Гендель. Здесь соло было за **Эриком Курмангалиевым**, заменившим известного немецкого контратенора **Иохена Ковальски**, не приехавшего в Москву, как это обычно бывает, по болезни.

Под занавес же фестиваля в гости пожаловали те,

— Какую идею вы вкладываете в свой нынешний московский концерт?

Френи: Главное — удачно спеть, чтобы получился хороший подарок **Владимиру Федосееву**.

Гяуров: В июне прошлого года в Турине мы уже исполняли эту программу с огромным успехом. **Владимир Федосеев** большой музыкант и очень хороший человек — сочетание качеств, которое редко встретишь в жизни. И мы очень подружились. К сожалению, до настоящего момента я не получал предложений от Большого театра или от других организаций о гастрольях. И я счастлив этой возможности — снова быть в Москве.

— Как вас встретила Москва после многолетнего перерыва?

Френи: Я счастлива снова быть в Москве. Надеюсь, что смогу дать русской публике, которую очень люблю, все, что она от меня ожидает. Надеюсь, публика вспомнит меня после тринадцатилетней разлуки. Я заметила, что Москва стала красивее, светлее и приветливее. Но, к сожалению, здесь по-прежнему очень холодно.

Гяуров: А я люблю русский мороз как воспоминание о молодости и годах учебы в Московской консерватории.

— Господин **Гяуров**, как часто вам приходится говорить в мире по-русски?

— Очень редко. Я мало встречаюсь в мире с русскими певцами.

Френи: Я по-русски тоже понимаю, но только совсем чуть-чуть. К

чему имена уже позолочены историей оперы, — итальянка **Мирелла Френи** и болгарин **Николай Гяуров**. Любители оперы с двадцатилетним-тридцатилетним стажем не могут произносить эти имена без восторженного придыхания. Немало великих дирижеров, режиссеров и знаменитых оперных театров во многом обязаны своими успехами именно их голосам.

В Москве легендарная супружеская чета без правок на возраст и намеков на звездную болезнь представила большую и сложную программу из итальянских, французских и русских арий и дуэтов Верди, Массне, Чайковского. Пусть не все прозвучало, как в старые добрые времена, но потерянные ноты не скрыли мастерства экстра-класса и красивых тембров жемчужного сопрано и могучего баса. А неизбежная шмещающая ностальгия в любом случае не возвращается.

Мирелла ФРЕНИ и **Николай ГЯУРОВ** любезно согласились дать интервью «Новым Известиям».

сожалению, говорить я так, наверное, и не научусь. Зато в последнее время я часто пою по-русски. Прежде всего Татьяну в «Евгении Онегине».

— На ваш взгляд, существует ли в реальности русская вокальная школа?

Гяуров: Думаю, что нет. Для меня есть только одна школа под названием «красивое пение», которое идет от итальянской или немецкой.

— Похвастаться почти полувековой мировой оперной карьерой могут единицы. Как вам удалось обмануть время?

Гяуров: Не думаю, что у меня это получилось. Я даже полагаю, что оторчу своих старых поклонников, но, надеюсь, не пеню, а своим внешним видом...

Френи: Я вообще не считаю, что время надо обманывать. Временем надо правильно распорядиться. Внимательно, с умом относиться к себе, к своему голосу. Главное, не бояться произносить короткое слово «нет» в лицо тем дирижерам и режиссерам, которые делают тебе «плохие» предложения.

— Планируете ли вы для себя преподавание?

Френи: В Италии, в Модене, где у нас дом, работает наш «Университет bel canto». Там мы проводим сезонные — по две недели четыре раза в год — мастер-классы для тех певцов, кто уже закончил учебу в консерватории и делает первые шаги во взрослой оперной жизни.

Гяуров: Преподавание — это страшно ответственное занятие. А ведь совсем не обязательно, что из меня выйдет хороший учитель, только потому, что мне самому удалось моя карьера.

— Вы гордитесь своей жизнью?

Гяуров: Нет, это нечто другое. С тех пор как я начал петь, я ощущаю себя на апостольском служении оперному искусству.

Френи: Мы самые обычные люди. Нам просто повезло работать с выдающимися дирижерами. Хочется пожелать, чтоб точно так же повезло и нынешним молодым певцам.

Гяуров: Правда, сейчас в опере мода на чудаков-режиссеров, которые все делают поперек музыки с одной только целью выпятить собственное «я».

Гяуров, Френи, Федосеев — праздник затянулся за полночь.

— Сегодня вы видите тех певцов, кого могли бы назвать своими наследниками?

Гяуров: В России, наверное, по-прежнему, много хороших басов, но я их не знаю. Мне кажется, главное, чтобы певцы стремились обрести

свою индивидуальность, а не искали себе пример для подражания.

Френи: Я не очень много хожу в театр и в основном могу судить с чужих слов. Говорят, как я, не поет никто. Но, может быть, кто-то и начнет это делать...